

Фёдор Буслаев

**О народной поэзии в Древне-Русской
литературе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б92

Б92 **Буслаев Ф.И.**
О народной поэзии в Древне-Русской литературе / Фёдор Буслаев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 89 с.

ISBN 978-5-518-08065-2

Речь, произнесенная в Торжественном Собрании Императорского Московского Университета
исправляющим должность
Экстра-Ординарного Профессора Русской
Словесности, Ф. Буслаевым.
12-го января 1859 года.

ISBN 978-5-518-08065-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Ми. I г.!

Желая обратить Ваше вниманіе на одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ Древне-Русской литературы, я руководствовался тою мыслию, что ясное и полное уразумѣніе основныхъ началъ нашей народности есть едва ли не самый существенный вопросъ и науки, и Русской жизни.

Признавая за всею массою Русскаго народа неоспоримое участіе въ исторіи Русскаго права, въ исторіи государственной и общественной жизни, въ исторіи Русской Церкви, обыкновенно отказываютъ народу въ его содѣйствіи къ развитію собственно литературныхъ идей; потому что привыкли думать, будто книжное ученіе въ древней Руси и процвѣтаніе литературы въ эпоху позднѣйшую есть область совершенно чуждая общей жизни народныхъ массъ, есть частное дѣло немногихъ, сосредоточившихся въ исключительной, имъ одной доступной сферѣ. На долю Русскаго народа обыкновенно предоставляютъ только безискусственную словесность, его пѣсни и сказки, загадки и пословицы, а книжное ученіе полагаютъ привилегіею людей избранныхъ, которые сообщали и сообщаютъ неграмотной братіи отъ своего книжнаго просвѣщенія столько, сколько ей потребно, только ради чисто практическихъ цѣлей внѣшняго благочинія и порядка.

Если бы этотъ печальный взглядъ на нашу литературу и народность нашелъ себѣ оправданіе въ дѣйствительности; то, безъ сомнѣнія, ничтожна была бы и наша литература, отказавшаяся отъ жизни, и того ничтожнѣе была бы народность, которая въ теченіе много-лѣтняго существованія нашей письменности, не могла привиться къ литературѣ и не умѣла стать съ нею въ уровень.

Въ угѣшеніе своему національному чувству, смѣло можетъ утверждать, что такой неблагоприятный взглядъ составился только въ маіемъ знакомствѣ съ нашею древнею, на-

родною литературою, рукописные памятники которой доселѣ еще не приведены въ общую извѣстность.

Все до сихъ поръ издаваемое изъ нашей старины, и объясненное, по преимуществу касается, или исторіи Церкви, или государственныхъ и юридическихъ отношеній. Потому и самая литература древней Руси обыкновенно представлялась сосредоточенною только къ немногимъ высшимъ пунктамъ, стоящимъ, по своему, такъ сказать, официальному значенію, выше обыкновенной сферы нравственныхъ интересовъ всей массы народа.

Строго отдѣляя вопросы чисто-литературные отъ всякихъ другихъ, не можемъ мы, въ отношеніи именно литературномъ, искать у какого бы то ни было народа, въ его простомъ, безыскусственномъ быту, ничего другаго кромѣ поэзіи, и тѣмъ болѣе должны мы искать ее у народа Русскаго, одного изъ племенъ Славянскихъ, которыя отъ самой природы такъ счастливо одарены поэтическимъ творчествомъ. Потому вопросъ объ отношеніи народа къ литературѣ приводится въ болѣе опредѣленную форму—объ отношеніи Русской народной поэзіи къ нашей письменности.

Будучи убѣжденъ, что въ тѣхъ памятникахъ нашей литературы по преимуществу выражается во всей полнотѣ жизнь народа, которые наиболѣе проникнуты творчествомъ народной фантазіи, я рѣшаюсь занять ваше вниманіе, Мн. Гг., рассмотрѣніемъ *нѣкоторыхъ поэтическихъ элементовъ нашей древней литературы.*

Поэтическое произведеніе имѣетъ то великое преимущество передъ всякимъ другимъ письменнымъ памятникомъ, что оно способно воспроизводить во всей жизненной полнотѣ характеры, дѣйствія и событія, во всемъ разнообразіи внѣшней обстановки, со всею глубиною и искренностью вѣрованій и убѣжденій. Оно не только рисуетъ передъ нами весь отжившій бытъ, но и вводитъ въ вѣчную, непреходящую область тѣхъ нравственно-художественныхъ идеаловъ, до которыхъ временныя черты дѣйствительности были возведены.

Потому, избирая этотъ предметъ, я имѣлъ въ виду не рѣшеніе специальныхъ вопросовъ отвлеченнаго, эстетическаго содержанія, имѣющихъ интересъ для специалистовъ, но указаніе на полнѣйшее и всестороннее изученіе древне-русской жизни, на изученіе, обязательное и желанное для всякаго образованнаго Русскаго человѣка. Говорю: только *указаніе*—потому что ни объемъ этого чтенія, опредѣляемый извѣстными границами, ни высокая важность самаго предмета, не позволяютъ мнѣ взять на себя трудную и едва ли исполнимую въ настоящее время задачу—во всей полнотѣ опредѣлить значеніе народной поэзіи въ нашей древней литературѣ.

Я ограничусь только надлежащею—по моему мнѣнію—постановкою самаго вопроса, предложивъ нѣсколько новыхъ данныхъ для опредѣленія того пути, по которому—какъ мнѣ кажется—должно слѣдовать для достиженія болѣе удовлетворительныхъ результатовъ въ рѣшеніи предложеннаго вопроса.

Такъ какъ по заведенному порядку на самомъ Актѣ Университетскомъ прочитываются только выдержки изъ приготовленнаго къ этому случаю изслѣдованія, то я нашелъ возможнымъ войти въ нѣкоторыя подробности, можетъ быть, не безполезныя для науки, которой преподавателемъ имѣю честь быть въ Московскомъ Университетѣ.

Приступая къ самому предмету чтенія, не могу предварительно не изъявить своей радости, что миновало то время, бесплодное для изученія народности, когда, съ ироніею и даже съ презрѣніемъ, относились люди—впрочемъ образованные—къ павшимъ вымысламъ и поэтическимъ суевѣріямъ народнаго воображенія.

Народная поэзія Русская, восходя своими началами къ эпохѣ доисторической, и доселѣ носитъ на себѣ явственные признаки своего мифологическаго происхожденія, какъ и вообще наустная поэзія всякаго народа. Напротивъ того, наша древняя письменность, возникшая въ слѣдствіе потребности водворить христіанскую вѣру, долго держалась характера исключительно церковнаго, сообщившаго свой торжественный тонъ почти всѣмъ произведеніямъ Русской литературы до начала XVIII в. И такъ, эти двѣ области различнаго происхожденія и противоположнаго характера—постоянно ли были во враждебномъ между собою отношеніи, или же находили для себя нейтральную среду, въ которой могли примиряться, взаимно помогая другъ другу въ нравственномъ совершенствованіи русскаго человѣка?

Очевидно, что только при утвердительномъ отвѣтѣ на вторую половину вопроса, возможна мысль не только о поэзіи въ древней нашей письменности, но и объ успѣшномъ вліяніи христіанскаго просвѣщенія на нравственныя силы простаго, неграмотнаго народа. То и другое оказалось возможнымъ только тогда, когда творческій духъ народной фантазіи проникъ въ замкнутое святилище стариннаго грамотника, и—съ другой стороны—когда книжное ученіе пішло до поэтическихъ интересовъ цѣлаго народа.

Эта все примиряющая, благотворная среда—было теплое, искреннее *върваніе*—единственный и самый обильный источникъ вслкой поэзіи, въ ея первобытномъ, безсознательномъ, эпическомъ періодѣ. Въ этой примирительной средѣ, безыскусственная поэзія каждаго христіанскаго народа проходитъ три замѣтные періода: мифологическій, смѣшенный и собственно христіанскій. Въ среднемъ періодѣ, который характеризуется *двоевѣріемъ*, поэзія смѣшенная, или двоевѣрная, служитъ необходимымъ историческимъ переходомъ отъ мифологической къ собственно христіанской. Но такъ какъ въ устной поэзіи народной и доселѣ явственно присутствуютъ элементы мифологическіе; такъ какъ и доселѣ творческая фантазія и русскаго, и другихъ христіанскихъ народовъ еще не достаточно очистилась отъ старой, языческой примѣси: то подъ указанными мною тремя періодами скорѣе должно разумѣть моменты въ развитіи народной поэзіи, моменты, которые могутъ существовать одновременно, другъ подле друга. Потому, и въ устной и письменной словесности, поэзія, обыкновенно называемая христіанскою, вѣрнѣе есть поэзія смѣшенная, въ которой органически слились два враждебные элемента, примирившіеся въ одномъ общемъ ихъ средоточіи—въ искреннемъ *върваніи*.

Въ древне-русской письменности господствуетъ поэзія *двоевѣрная*, или смѣшанная, и христіанская: преимущественно къ этимъ двумъ разрядамъ поэзіи относятся факты, которые намъ бреваюсь предъявить Вашему просвѣщенному вниманію. Но чтобъ перейти къ поэзіи въ двухъ уже послѣдующихъ періодахъ, для ясности почитаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о значеніи перваго, то есть, мифологическаго періода въ исторіи духовнаго развитія народовъ.

1. Изучающимъ сравнительную мифологию хорошо извѣстно, что еще задолго до принятія христіанства, народы уже проходили по различнымъ степенямъ духовнаго развитія, главнѣйшимъ выраженіемъ котораго было мифологія, къ ея неразрывной связи съ поэзією.

Чѣмъ полнѣе и совершеннѣе было это развитіе, тѣмъ совершеннѣе и полнѣе въ духовномъ отношеніи раскрывалась народность, и въ послѣдствіи, тѣмъ способнѣе становился народъ къ усвоенію себѣ высокнхъ идей христіанства: потому что уже въ эпоху до-историческую привыкъ онъ вращаться въ области вѣрованья, привыкъ уважать какія бы то ни было убѣжденія.

Первыя начала народной поэзіи теряются въ доисторическомъ созиданіи самой мифологіи, въ такъ называемомъ мифологическомъ процессѣ¹⁾ духовной жизни народа. Выходя изъ этой темной области мифологической, народной эпосъ — каковы поэмы Гомера, пѣсни древней Эллы, Финская Калевала — представляетъ полное, нераздѣльное единство мифологіи и поэзіи, народнаго вѣрованья и творческаго воодушевленія. При такой совокупной нераздѣльности художественнаго творчества съ мифологическимъ развитіемъ народныхъ вѣрованій, надобно видѣть въ древнѣйшемъ мифологическомъ эпосѣ не только внѣшнюю сторону или поэтическую форму религіозныхъ убѣжденій народа, но одинъ изъ самыхъ существенныхъ моментовъ въ самомъ созиданіи народной мифологіи. Чѣмъ болѣе проникался народъ своими вѣрованьями, чѣмъ обильнѣе накапливались они въ его творческой фантазіи, претворенныя въ живые образы: тѣмъ неотразимѣе чувствовалъ онъ потребность уяснить для себя эти вѣрованья и образы, и представить ихъ, какъ живыя созданья, въ цѣломъ рядѣ эпическихъ разсказовъ. Такимъ образомъ, поэзіи является необходимою, естественною посредницею между темнымъ, еще не развитымъ вѣрованьемъ, и между народнымъ сознаниемъ: она уясняетъ и распределяетъ въ осязательныхъ образахъ созрѣвшее вѣрованье, какъ скоро оно вышло изъ смутной области неопредѣленнаго чаянія и гаданія.

Эпосъ мифологическій полагаетъ первыя основы нравственнымъ убѣжденіямъ народа, выражая въ существахъ сверхъестественныхъ, въ богахъ и герояхъ, не только религіозные, но и нравственные идеалы добра или зла. Потому эти идеалы народнаго эпоса болѣе нежели художественные образы: это рядъ ступеней народнаго сознанья на пути къ нравственному совершенствованью. Это не праздная игра фантазіи, но рядъ подвиговъ религіознаго благочестія, стремившагося въ лучшихъ своихъ мечтаніяхъ сблизиться съ божествомъ, узрѣть его непосредственно.

Мифологическія начала, общія всѣмъ родственнымъ Индоевропейскимъ народамъ, въ каждомъ изъ нихъ получали свое собственное развитіе, въ слѣдствіе болѣе или меньшей зрѣлости духовныхъ силъ народа, а также въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, мѣстныхъ и историческихъ, которыя благоприятствовали свободному раскрытію до-христіанскихъ народныхъ вѣрованій, или задерживали его.

Если Славянскій мифологическій эпосъ не успѣлъ создать полныхъ, округленныхъ типовъ божествъ, подобно эпосу Греческому, Скандинавскому или Финскому, все же онъ тѣсными узами связанъ съ тѣмъ живительнымъ источникомъ мифическихъ вѣрованій, который даетъ жизнь всегда новому и свѣжему творчеству народной фантазіи. Безъ этой родственной связи съ мифическою стариною не возможно было бы процвѣтаніе такого благоуханнаго народнаго эпоса, какимъ обладаемъ мы, Русскіе, и соотечественные намъ Славяне, особенно Сербы и Болгары.

Славянскій эпосъ и доселѣ живетъ теплою, искреннею вѣрою въ цѣлый рядъ мифическихъ существъ, но существъ мелкихъ, не многозначительныхъ: это не крупныя, вели-

¹⁾ Объясненіе этого термина смотр. въ лекціяхъ Шеллинга о Философіи мифологіи. *Sämmtl. Werke*. 2-те Abtheil. 1856—7.

чавья личности Греческаго Зевса, Финскаго Вейнемейнена, Скандинавскаго Тора или Одина, съ опредѣленнымъ нравственнымъ характеромъ, развитымъ по иножествѣ подвиговъ и походовъ,—но рядъ существъ не самостоятельнаго, не отдѣльнаго бытія: это цѣлыя толпы *Вилъ, Русалокъ, Дивовъ, Полудницъ* и т. п.

Какъ существа стихійныя, всѣ эти мифическія лица могли предшествовать образованію нравственныхъ, опредѣлительныхъ характеровъ въ тицахъ высшихъ божествъ; но могли они быть и остаткомъ, который въ памяти народа сохранился отъ этихъ человѣкообразныхъ идеаловъ. Такимъ образомъ, господство *Вилъ, Дивовъ, Русалокъ*, въ народномъ эпосѣ можетъ означать не то, чтобъ въ вѣрованьяхъ народа не успѣли еще сложиться болѣе крупныя мифологическія личности, но — что эти личности не получили болѣе опредѣленныхъ формъ въ поэзіи эпической, и потому со временемъ забылись, оставивъ по себѣ своихъ спутниковъ, эту, такъ сказать, собирательную мелочь народнои мифологіи.

Темныя и краткія намеки на *Волоса, Перуна* и на другія Славянскія божества мы встрѣчаемъ не только въ старинныхъ письменныхъ памятникахъ, наиримѣръ, въ словѣ о *Полку Игоревѣ*, но и въ народныхъ пѣсняхъ, какъ у насъ, такъ и у другихъ Славянскихъ племенъ. Но подробнаго развитія характеровъ и подвиговъ этихъ божествъ Славянскій эпосъ не представляетъ; и потому, не сосредоточиваясь на крупныхъ личностяхъ божествъ, онъ, такъ сказать, раздробляется въ своихъ мифологическихъ интересахъ, преслѣдуя тайныя нити, которыми связываются герои, а иногда и лица историческія съ цѣлымъ міромъ мелкихъ существъ сверхъестественныхъ.

2. И такъ, главный характеръ Славянскаго эпоса—героическій или—выражаясь сербскимъ терминомъ — *юнацкій*. Какъ произведеніе народнои фантазіи, стоявшее еще въ эпоху мифическую, и до послѣдняго времени сохранившее на себѣ слѣды этой эпохи, юнацкій эпосъ проникнуть творческимъ вѣрованьемъ въ таинственную связь героевъ съ міромъ сверхъестественнымъ. Весь циклъ древне-русскихъ богатырей убѣждаетъ насъ въ этой истинѣ. Въ обществѣ ихъ, за столомъ *Владимира Красно-Солнышка*, является *Тугаринъ Змиевичъ*, мифическій *Змій* и сынъ *Змія*. Онъ въ преступной связи съ супругою самого *Краснаго Солнышка*. Сестра *Красна Солнышка*, *Марья Дивовна*, то есть, дочь *Дива*, чудовищнаго великана¹⁾, похищена змиемъ, у котораго и живетъ въ горныхъ палатахъ, или въ пещерѣ, устланной серебромъ и золотомъ. Отъ *Змія* спасаетъ свою тегку *Добрыня Никитичъ*, по пѣснямъ, не для, а племянникъ *Владимира*. Сестра *Апраксѣвны*, супруги *Красна-Солнышка*, дѣва вонтелица, въ родѣ *Сѣверной Брингильды*. Она выходитъ за мужъ за *Дуная*, за героя, отъ котораго получила имя знаменитая рѣка, и въ которомъ, слѣдовательно, эта рѣка мифически олицетворялась. Племянница князя *Владимира*, *Запава Путятишна* выходитъ за мужъ за необыкновеннаго героя, который прѣзжаетъ изъ дальнихъ странъ, изъ города *Леденца*²⁾, и въ одну ночь строитъ великолѣпныя палаты въ саду *Знавы Путятишны*, и тѣмъ спискиваетъ ея любовь. *Потокъ Михайло Ивановичъ* женится на вѣщій дѣвицѣ, которая, подобно Скандинавскимъ *Валькиріямъ*, обращается въ бѣлую лебедь. Самъ князь *Красно-Солнышко* присутствуетъ на нѣхъ

¹⁾ Смотри Сербскую пѣсню о *Юзавѣ* и *Дивномъ* старѣйшинѣ, Сербске нар. піесме Вук. Карадж. ч. 2 лз 8.

²⁾ Слѣч. въ Сербскихъ пѣсняхъ *Ледякъ* горотъ, въ которомъ Ербенъ ввнитъ связь съ сказочнои Стекланной или *Ледяной* горою. Сербске народне піесме. ч. 2. № 29.—Русск. Гесѣла 1837 г. № 4.

свадьбъ. Даже Илья Муромецъ, побѣждающій мнѣческаго Соловья Разбойника, носитъ на собѣ слѣды древнѣйшаго характера первобытнаго эпоса, въ своихъ тайныхъ сношеніяхъ съ за-Донскою царицею, которая, при живомъ мужѣ, рождаетъ отъ Ильи Муромца сына, *Збута королевича*, съ которымъ вступаетъ въ бой нашъ герой, не зная, что онъ ему сынъ¹⁾.

Такимъ образомъ, Владиміръ Красное-Солнышко окруженъ въ нашемъ народномъ эпосѣ таинственною сѣтью мнѣческихъ чарованій. И племянница его, и сестра, и племянникъ, и даже супруга — въ связи съ міромъ сверхъестественнымъ, съ существами мнѣческими. Онъ веселится на свадебныхъ пирахъ съ вѣщими женами, оборотилми — бѣлыми лебедушками, съ мнѣческими богатырями, олицетворяющими рѣки; онъ дѣлаетъ хлѣбъ соль съ оборотными змѣями, съ породою змѣиною.

Не мѣншую связь съ міромъ мнѣческимъ представляютъ и другія витязи первобытнаго нашего эпоса.

Волхъ Всеславичъ даже по самому рожденію своему — существо сверхъестественное. Хотя онъ родился отъ обыкновенной женщины, отъ какой-то княжны *Марыи Всеславныи*, но отцемъ его былъ лютой змѣй, вѣщая натура котораго отозвалась въ сынѣ тѣмъ, что онъ былъ чародѣй, оборотень: самъ обертывался яснымъ соколомъ, сѣрымъ волкомъ, туромъ — золотые рога, и умѣлъ превращать въ нечеловѣческія образы всю свою храбрую дружину,

Наши грамотные предки даже XVII вѣка²⁾ вѣрили, что этотъ Волхъ былъ старшій сынъ мнѣческаго Словена. Отъ Словена будто бы получили названіе Славяне, а отъ Волхова — рѣка Волховъ, прежде называвшаяся *Мутною*. Этотъ Волховъ будто бы былъ «бѣсоугодный чародѣй, люте въ людяхъ; бѣсовскими ухищреніями и мечтами претворялся въ различные образы и въ лютаго звѣря крокодила; и залегалъ въ той рѣкѣ Волховѣ водный путь тѣмъ, которые ему не поклонялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. А невѣжественный народъ — будто бы — тогда почиталъ его за бога и называлъ его *Громоу* или *Перуноу*. И постановилъ этотъ окаленный чародѣй, ночныхъ ради мечтаній и собраній бѣсовскаго, городокъ малый на нѣкоторомъ мѣстѣ, зовомомъ *Перыня*, гдѣ и кумиръ Перуна стоялъ. И баснословятъ о немъ невѣжды, говоря (вѣроятно, пословицею): *въ боги съяъ*. И былъ этотъ окаленный чародѣй удушенъ отъ бѣсовъ въ рѣкѣ Волховѣ; и мечтаніями бѣсовскими несено было окаленное тѣло его вверхъ по той рѣкѣ и извержено на берегъ противъ Волхнаго его городка, что нынѣ зовется *Перыня*. И со многими плачемъ отъ невѣждъ тутъ былъ онъ погребенъ, съ великою тризною, поганскою, и могилу ссыпали надъ нимъ высокую, по обычаю язычниковъ. И по трехъ дняхъ послѣ того тризница разверзлась³⁾ земля, и пожрала мерзкое тѣло крокодилово, и могила просыпалась надъ нимъ на дно адское: *иже и доннынъ, якоже повѣдаютъ, знакъ нмы той стоимъ не наполняся.*

Хотя собственные имена въ народныхъ преданіяхъ часто не имѣютъ никакого смысла, будучи позднѣйшею наддачей; однако въ отчествѣ, которое иѣсня придаетъ Волху, можно видѣть нѣкоторый мифологическій смыслъ. Волхъ произошелъ отъ змѣи, но про-

¹⁾ Очень важно сближеніе этого мотива съ древнеѣмецк. эпизодомъ изъ Готскаго эпоса о Гильдебрандѣ.

²⁾ По рукоп. Синод. Библиот. *Цѣтминя* 1665 г. подъ № 908. Лист. 19—21.

³⁾ Въ рукоп. *прослезиса земля*.

зывается *Веславичемъ*, какъ бы по отчеству своей матери. Потому во всякомъ случаѣ, уже по самому грамматическому смыслу, отцемъ Волха былъ какой-то *Веславъ*, или тотъ оборотень въ лютаго волка, тотъ вѣщій чародѣй, который уже въ *Словѣ о Полку Игоревѣ* смѣшивается съ извѣстнымъ Княземъ Полоцкимъ, или же самъ баснословный *Словень*, на томъ основаніи, что и *Веславъ* и *Словень*, какъ формы созвучныя, могли въ преданіи между собою смѣшаться.

Во всякомъ случаѣ, змѣиная натура отца, отразилось въ Волховѣ. Онъ былъ крокодилъ—позднѣйшая замѣна водянаго змія, и залегалъ рѣку Волховъ, какъ въ извѣстной сказкѣ¹⁾ залегалъ Оку рѣку змѣй Тугаринъ, встрѣчающійся въ обществѣ нашихъ древнихъ богатырей, при самомъ Владимірѣ Красномъ-Солнышкѣ.

Многочислѣнный змѣй, согласно мѣстнымъ условіямъ нашей родины, изъ чудовища морскаго былъ переведенъ въ рѣчное. Но первоначально онъ былъ, безъ сомнѣнія, змѣемъ морскимъ, страшнымъ чудовищемъ, которое, по Скандинавскимъ преданьямъ, окружало всю землю, которое постоянно враждовало свѣтлымъ Асамъ, и наконецъ выступило противъ нихъ во всей своей ярости въ послѣдній день Божественныхъ Сумерекъ или Помраченія свѣтлыхъ божествъ.

Многочисленное преданіе о змѣй, окружающемъ всю землю, у нашихъ предковъ перешло въ книжное сказанье о томъ, что земля «основана на трехъ большихъ китахъ и на тридцати малыхъ; и будто бы эти киты, *находя на райское благоуханье*, берутъ отъ него десятую часть и отъ того сыты бывають»²⁾.

Самъ Русскій эпосъ возводитъ Волха, какъ рѣку, къ морскому отцу. Въ пѣснѣ о Садкѣ богатомъ гостѣ³⁾ это морское божество называется Морскимъ Царемъ, которому Садко приносить жертвы, какъ божеству, и даетъ дань, какъ царю, и который наконецъ женить этого богатаго гостя на одной изъ своихъ тридцати дочерей, именно на рѣкѣ Волховѣ. Не подобно удивляться, что чародѣй Волховъ, рѣчной змѣй, вдругъ становится дочерью, а не сыномъ морскаго царя. Это обыкновенная мифологическая игра грамматическимъ родомъ: какъ собственное имя муж. рода, т. е., *Волховъ*—онъ сынъ Словена или змія, какъ имя нарицательное, т. е., *рѣка*—онъ дочь морскаго царя.

Это многочисленное отношеніе рѣкъ къ морю наши грамотные предки, между прочимъ, выражали слѣдующимъ образомъ въ извѣстной апокрифической бесѣдѣ Святителей, о которой будетъ говорено ниже: «*Вопросъ*: которая мать сосеть дѣтей своихъ? *Отвѣтъ*: море рѣки поѣдаетъ въ себя.» Или въ другомъ мѣстѣ: «*которая мать пожираетъ своихъ дѣтей? Отв. море рѣки приемлетъ въ себя*»⁴⁾.

По народному стохотворенью, Садко попалъ къ самому Морскому Царю; онъ долженъ былъ головой заплатить, что недоволено его чествовалъ, подобно тому, какъ погибали

¹⁾ «Не грозна туча во широкоу полѣ подымалася, не полая вода на круты берега разливалася; а выводилъ-то молодой князь Глѣбъ Олеговичъ рать на войну. Какъ прочуалъ змѣй Тугаринъ рать немрвную, и началъ мутить Оку рѣку широкимъ хвостомъ Широка Ока рѣка взмуталася, круты берега разсыпался, мутна вода разливалася. Нельзя къ змѣю подойти, нельзя змія войною воевать».—Этотъ змѣй Тугаринъ въ сказкѣ называется начальникомъ, ханомъ Татарской Орды. Сазарова рус. народн. сказки. Стр. 122. 144.

²⁾ Апокрифич. Бесѣда святителей по свод. рукоп. 1665 г. подъ № 908, л. 288, смотр. ниже.

³⁾ Древн. рос. стихота. стр. 266 и слѣд.; 337 и слѣд.

⁴⁾ Синод. рук. № 908. л. 296. л. 127 об.

тѣ, которые, по упомянутому выше книжному сказанью, не воздавали божеских почестей чародѣю Волхову. Для исторіи нашей древне-русской книжной поэзіи любопытны самыя обстоятельства, при которыхъ Садко попалъ къ Морскому Царю.

Однажды ѣдучи по морю, корабль Садки безъ всякой видямой причины остановился. Тогда корабельщики метали жеребьи, кого бросить въ море сильнее. Жеребій выпалъ самому Садкѣ, потому что, какъ говорилъ самъ о себѣ этотъ богатый гость:

Я Садъ-Садко, знаю, вѣдаю:
 Бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ,
 Тому царю заморскому
 Не платилъ я дани, пошлины,
 И во то море Хвалынское
 Хлѣба съ солью не опускавалъ:
 Но меня Садку смерть припла.

Одѣлся Садко въ шубу соболонную, взялъ звончатыя гусли, и, усѣвшись на золотой шахматной доскѣ, поплылъ по морю: а корабль тотчасъ же двинулся съ мѣста и пошелъ. Подымалась тогда погода тихая, понесло Садку по волнамъ; и причалило къ берегу, гдѣ онъ встрѣтилъ Морскаго Царя, или самого бога водъ.

Въ этой пѣснѣ очевидно преданіе о принесеніи человѣка въ жертву водяному божеству въ случаѣ опаснаго или неудачнаго плаванья. Жертва приносилась по жребію. Обреченнаго божеству спускали на доскѣ.

Каковъ бы ни былъ древнѣйшій, до-христіанскій обычай, но повтореніе тѣхъ же обстоятельствъ встрѣчается въ одномъ разсказѣ, присовокупленномъ къ повѣствованію о житіи Исидора Твердислова, юродиваго Ростовскаго ¹⁾: это именно въ описаніи чуда о купцѣ, *его же святыи избави отъ глубины морскія*.

Случилось нѣкоторому купцу по морю куплю творить. Однажды, когда онъ плылъ по морю, корабль вдругъ остановился, и волнами стало его разбивать: корабельщики ждали себѣ смерти. Тогда умыслили они метать жеребій; жеребій палъ на того купца; и *ло-сидили они его на доску* и бросили въ море: а корабль тотчасъ же тронулся съ мѣста и поплылъ. За тѣмъ разсказывается, какъ самъ Твердисловъ явился на морѣ купцу, и на той же доскѣ переднимъ пустилъ его вслѣдъ за кораблемъ и спасъ.

3. Въ мифологическихъ сказаніяхъ многихъ народовъ бываетъ съ большею или меньшею ясностью обозначенъ одинъ очень важный моментъ въ исторіи народныхъ вѣрованій: это переходъ отъ древнѣйшихъ божествъ къ позднѣйшимъ, переходъ, свидѣтельствующій о дальнѣйшемъ развитіи духовныхъ силъ народа, выражающихся въ мифологическихъ сказаньяхъ.

Это историческое развитіе мифологическаго процесса, столь очевидное въ мифологіи Греческой ²⁾, изъ народовъ позднѣйшихъ въ наибольшей ясности выразилось въ поэтическихъ сказаньяхъ Скандинавской Эдды.

¹⁾ По рукоп. Графа А. С. Уварова, XVII в. № 163. В. 4-ку.

См. Леоньева О поклоненіи Зевсу. 1850 г.

Древнѣйшимъ мифическимъ существамъ, Турсамъ и Ютамъ, чудовищамъ и великанамъ, представителямъ бесплодныхъ скалъ и зимняго холода, наследуютъ свѣтлыя божества, Асы, постоянно ведущіе борьбу съ своими чудовищными предшественниками и постоянно ихъ побѣждающіе. Но и въ самыхъ Асахъ очевидны слѣды древняго злаго начала: даже самъ царь ихъ, богъ боговъ, великій Одинъ представлялся, по древнѣйшимъ преданіямъ, одноглазымъ чудовищемъ, слѣдовательно существомъ изъ породы Циклоповъ, соответствующихъ Скандинавскимъ Ютамъ. Но главнымъ представителемъ застарѣлаго зла въ обществѣ Асовъ—постоянный имъ собесѣдникъ и рѣшитель всякаго труднаго дѣла—это злобный Локи, отъ котораго произошла чудовищная порода—тотъ хищный волкъ Фенриръ и тотъ всемірный змій, которые, въ страшное послѣднее время Божественныхъ Сумерекъ, общими силами съ полчищами Сургура, губятъ всѣхъ свѣтлыхъ боговъ Сѣвернаго Олимпа. Если своею связью съ Локи Асы сообщаются съ мифическими существами стараго порядка вещей, то дружественнымъ и родственнымъ союзомъ съ Ванамъ, божествами прекрасными и разумными, выражаютъ они дальнѣйшее духовное развитіе племенъ, въ которыхъ эти мифы составлялись. Хотя въ царственномъ Одинѣ сѣверныя племена вполне выразили свой предпринимчивый воинственный характеръ и свое великое значеніе въ историческихъ судьбахъ человѣчества, но высокое безпристрастіе мифическаго эпоса не позволяло фантазіи остановиться на этомъ божествѣ, какъ на высшемъ идеалѣ человѣческаго совершенства. Сынъ Одина, чистый и непорочный Бальдуръ, долженъ былъ стать вынужденно временнаго историческаго превосходства своего воинственнаго отца; онъ долженъ былъ выразить вѣчную, непреходящую любовь и правду, высочайшую чистоту нравственную.

Но такого величія духа недостойна міръ, во злѣ пребывающій: и Бальдуръ долженъ былъ погибнуть, по хитрымъ кознямъ того же Локи, по безразсудству и коварству Асовъ, постоянно сообщавшихся съ злымъ началомъ въ лицѣ Локи Потерявъ Бальдура, Асы ищутся не только чистоты нравственной, которую хоронятъ вмѣстѣ съ сожженіемъ трупа Бальдура, но даже и прежнихъ своихъ силъ физическихъ, своего прежняго могущества.

Зло торжествуетъ и получаетъ себѣ оправданіе, какъ казнь за совершенныя преступленія.

Нравственное паденіе боговъ и торжество злобнаго Локи яркими чертами изображено въ одной изъ лучшихъ пѣсней древней Эдды, извѣстной подъ названіемъ *Lokasenna*, въ которой злобный Локи издѣвается надъ всеми сѣверными богами, беспощадно высказывая имъ въ лицо всѣ ихъ слабости и пороки. Оказывается, что всѣ они виновны, что на всѣхъ на нихъ тяготѣетъ преступленіе; даже самая сила и храбрость ихъ заподозрѣны.

Глубочайшая идея лежитъ въ основѣ этого превосходнаго эпизода сѣвернаго мифологическаго эпоса.

Надобно было привести въ ясность этотъ судъ надъ богами, прежде чѣмъ всѣ они погибнутъ въ страшную годину Помраченія Божествъ; надобно было изречь судъ по правдѣ, чтобы съ полнымъ сознаніемъ отказаться отъ своихъ боговъ: и это скептическое сознаніе было выражено цѣлымъ рядомъ беспощадныхъ сарказмовъ Локи.

Въ этой пѣснѣ языческая фантазія какъ бы приноситъ сама себя въ жертву, для того чтобы вмѣстѣ съ своими, все еще родными, любезными божествами очистившись въ пламени Последняго Дня (въ Муспхалли), возродиться къ новой жизни, въ безмятежномъ царствѣ возрожденнаго Бальдура, этого чистѣйшаго и совершеннѣйшаго изъ всѣхъ Асовъ.

Не имѣя намѣренія ставить въ параллель съ рядомъ этихъ сѣверныхъ мифовъ преданія русскія, не могу однако не предъявить, что и въ русскомъ мифологическомъ эпосѣ довольно явственно высказалось сознание о переходѣ отъ древнѣйшихъ вѣрованій къ позднѣйшимъ, только въ гибели не боговъ, а мифическихъ героевъ, согласно съ героическимъ характеромъ славянскаго эпоса.

Я разумѣю здѣсь превосходное сказанье о томъ, отчего перевелись витязи на Святой Руси.¹⁾

Какъ древнѣе Титаны возмущались противъ божествъ небесныхъ, или какъ чудовищные великаны сѣверной мифологій вели войну съ свѣтлыми Асами, такъ и наши богатыри, возгордившись своими побѣдами надъ обыкновенными смертными, стали вызывать на бой вонтелей небесныхъ:

«Не намахалися наши могучиыя плечи,
 Не уходилися наши добрые кони,
 Не притупились мечи наши булатные!»
 И говоритъ Алеша-Поповичъ младъ:
 «Подавай намъ силу нездѣшнюю—
 Мы и съ тою силою, витязи, справимся!
 Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
 Такъ я явились двое вонтелей,
 И крикнули они громкимъ голосомъ:
 «А давайте съ нами, витязи, бой держать —
 Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.»
 Не узнали витязи вонтелей.
 Разгорѣлся Алеша-Поповичъ на ихъ слова,
 Поднялъ онъ коня борзого,
 Налетѣлъ на вонтелей
 И разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча:
 Стало четверо — и живы всѣ.
 Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
 Разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча:
 Стало восьмеро — и живы всѣ.
 Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
 Разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча:
 Стало вдвое болѣе — и живы всѣ.
 Бросились на силу всѣ витязи,
 Стали они силу колоть-рубить...
 А сила все растеть — да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идетъ...
 Не столько витязи рубятъ,
 Сколько добрые кони ихъ топчуть...

¹⁾ Помѣщено г. Меомъ въ Сынѣ Отечества за 1856 г. № 17.